

даров и посылки убийц, автор иконы хотел собрать воедино все эпизоды, связанные со Святополком, то перемещение сцены с Борисом и Георгием в шатре окончательно нарушает логику изложения.

Не является ли это перемещение признаком использования художником лицевой рукописи с перепутанными листами? Если этот иллюстрированный текст следовал в данном отрывке изложению «Сказания», то именно эти три перемещенных эпизода должны были находиться рядом. За сценами, данными в трех первых клеймах иконы, следовали бы раздача даров Святополком, посылка убийц к Борису, Борис и Георгий в шатре. После этого совершенно закономерно изображалась бы молитва Бориса в шатре.

В пользу такого предположения говорит и абсолютная идентичность изображений шатра и горки во всех сценах, где действие происходит в шатре. Это было бы понятно в находящихся рядом и созданных друг за другом миниатюрах.

Об этом же говорят и особенности костюма Бориса. В сцене отправления против печенегов Борис представлен в шубе и исподи. В сцене молитвы в шатре, сна и убийства Борис уже без шубы, только в исподи. В сцене же с Георгием в шатре Борис еще в шубе, что может быть объяснено первоначальным расположением этой сцены после похода, но до молитвы в шатре, когда Борис эту шубу уже снял.

В трех заключительных сценах иконы изображена история борьбы Ярослава со Святополком и гибели Святополка. Эти изображения соответствуют «Сказанию» или летописи. «Чтение» же излагает эти события чрезвычайно суммарно.

Рассматриваемая икона близка к миниатюрам Сильвестровского сборника тем, что обе серии изображений, видимо, восходят к иллюстрациям древних, не дошедших до нас текстов. По мнению Д. В. Айналова, исследовавшего сильвестровские миниатюры, эти древние иллюстрации могли возникнуть уже в начале XII в.⁴⁷ Как уже отмечалось при разборе первых сцен, иллюстрации древнего текста не были непосредственно скопированы иконописцем. Видимо, существовало промежуточное звено в виде лицевого списка «Сказания», повторившего, подобно Сильвестровскому списку, древние миниатюры, но снабдившего их надписями, текстуально близкими к «Сказанию». Иначе нельзя объяснить появление таких надписей на иконных клеймах, композиции которых существенно отступают от изложения «Сказания».

Сильвестровские миниатюры и клейма иконы различны по составу изображений. Так, например, в Сильвестровском сборнике отсутствует в иконе изображение убийства Бориса в дороге. В качестве убийцы Глеба в иконе представлен воин, а в сильвестровской миниатюре — повар. В иконе изображен меч Бориса, вручаемый ему Владимиром; этого меча нет в миниатюре. Все это свидетельствует о различиях в текстах, легших в основу этих серий.

Следует отметить, что существуют факты тесной взаимосвязи древних лицевых рукописей и житийных икон Бориса и Глеба. Еще Н. П. Лихачев указал на две прориси из своего собрания, буквально повторяющие соответствующие композиции сильвестровских миниатюр.⁴⁸ Большой размер прорисей заставляет считать их сделанными не с рукописи, а с монументальной иконы. Сильвестровские композиции повторены не только в иконе,

⁴⁷ Д. В. Айналов. Очерки и заметки... стр. 17.

⁴⁸ Н. П. Лихачев. Лицевое житие святых благоверных князей русских Бориса и Глеба..., стр. 14 и 16.